

Пролог

Она шагнула к кромке воды, безразлично наблюдая, как темная вода лижет покрасневшие пальцы ног. Потянула за край рубашки, стянула ее через голову и, не оглядываясь, отбросила прочь, в траву.

И только тогда посмотрела через плечо.

Шагнула в воду. Ноги скользили по вязкой глине, приходилось цепляться за камыш, пробираться сквозь него осторожно, зябко ежась от ледяных брызг.

Шаг за шагом — до шаткого помоста, что упирался подгнившими досками в озерную гладь. Зацепилась рукой за скользкие, облепленные тиной и водорослями доски. И, оттолкнувшись от топкой глины, сделала два гребка от берега. И только тогда снова оглянулась, посмотрела упрямо.

Черная озерная гладь ловила блики заходящего солнца. Неяркого, уже пропитанного золотом надвигающейся осени.

Еще один гребок спиной вперед, тихо, как учил когда-то отец. Чтобы не разбудить озерных духов — так говорила мать.

Взгляд неотступно следил за тем, кто следовал за ней. Улыбался по-детски криво и наивно. Смотрел жадно и надеялся на игру.

Она зло плеснула водой в прозрачно-серые глаза и отплыла к берегу, с удовольствием наблюдая, как темная вода всколыхнулась от ее движения и закрутилась, увлекая неумелую жертву... Как безвольно вскинулись над поверхностью белые руки в мелких, будто манная крупа, веснушках, как узкое лицо накрыло гребнем черной волны, выдавив из легких прощальный крик.

В эти последние летние дни озерные омуты подбираются к самому берегу.

Глава 1

«Салон Лунолика»

*Москва,
конец декабря, наши дни*

—Я все-таки не вижу у вас серьезных проблем, — деловитый голос из кабинета, запах восковых свечей и — тонкий, едва уловимый — ладана.

Таисия подобралась, на цыпочках отошла к своему рабочему месту, взяла телефонную трубку. Сообщила шепотом:

— Нет, госпожа Аделия Милó сейчас занята и подойти к телефону не может.

Тихий голос там, на другом конце провода, прошелестел:

— У меня срочный, не терпящий отлагательств вопрос. Госпожа Аделия уверяла, что я смогу его решить, не приезжая к ней повторно.

Таисия почесала кончик носа.

— Боюсь, это как раз тот случай, когда заверения бесполезны. У госпожи Аделии клиент со сложным вопросом утерянной кармической связи. В данный момент они только открыли кармическую карту и очи-

стили чакры для воздействия. — Девушка зажмурилась, добавила с чувством: — Тончайшая настройка. Тончайшая...

На том конце провода с пониманием вздохнули.

— Тогда конечно... Что вы мне посоветуете? Может быть, есть место на очный прием в ближайшие дни?

Таисия удовлетворенно кивнула невидимой собеседнице, потянулась за органайзером, развернула его к себе.

— Да, есть отличное окно в понедельник, в четыре часа. Вам будет удобно?

Собеседница вздохнула:

— А раньше ничего нет?.. Ну что ж... Пусть будет в понедельник, в четыре. — И повесила трубку.

Таисия, еще раз прислушавшись к происходящему в кабинете начальницы, нырнула в закуток за зоной ресепшен — заварить чай. В следующее мгновение из-за неплотно прикрытой двери уже потянулся пряный, насыщенный холодными нотами бергамота аромат.

Пискнул внутренний телефон.

Таисия выскочила из закутка, на ходу дожевывая полупрозрачную сырную пластинку, схватила трубку.

— Да... Уже бегу.

Оправив белоснежную блузку, девушка взяла поднос с двумя чашками, изящной тарелочкой с насыпанными горкой солеными крекерами и крохотными шоколадками в яркой упаковке, поправила на пузатом чайнике стеганую салфетку и шагнула к двери кабинета.

* * *

В кабинете царил рабочий полумрак. Начальница, удобно устроившись в низком кресле, вытянула ноги и, укутавшись в цветастую шаль, тихо говорила. Таисия слышала лишь часть фразы.

— ...Так не делается. Вы слишком напряжены. Вы ставите перед собой высокие задачи, грандиозные планы. И пытаетесь их воплотить с настойчивостью бульдозера.

— Да-да. «Любой задаче нужно вызревание», — охотно повторила уже услышанное клиентка — немолодая худощавая дама с модной короткой стрижкой.

— Совершенно верно. — Аделия кивнула подошедшей помощнице.

Та поставила поднос на низкий столик, сняла чашки и заботливо придвинула их к беседующим. Покосилась на начальницу.

«Устала», — подумала с сочувствием: неделька выдалась еще та.

Выходя из кабинета, оглянулась, неслышно стукнула пальцем по циферблату наручных часов и показала четыре пальца. Начальница понимающе моргнула.

— Я распишу практики и упражнения, которые вы будете выполнять всю следующую неделю. Свои впечатления и мысли станете записывать в дневник. — Аделия сделала несколько глотков чая, сняла обертку с шоколада и откусила, чувствуя, как усталость медленно стекает с плеч, смешивается с каждым вздохом и мало-помалу растворяется в свежем бергамотовом аромате. Прикрыла глаза.

— Аделия, милая, вы меня слышите? — позвала клиентка и подалась чуть вперед. — Я хотела уточнить, когда лучше вести запись, с утра или вечером?

— Я бы просила вас записывать впечатления после практики утром, пока воспоминания свежи. А вечером просматривать записи и отмечать, что из этого сбылось, что оказалось правильно воспринято, а что истолковано ошибочно.

Клиентка понимающе кивнула:

— Да, я так и сделаю.

Аделия улыбнулась.

Сегодня еще один клиент, пожилая дама, которая придет в шесть, и все. Можно отдыхать до понедельника. Чем она любила пятницы, так это предстоящими выходными.

Кофе на балконе, укутавшись в теплый плед.

Свежие булочки из пекарни за углом.

На обед — пицца, заказанная в пиццерии.

На ужин... Ужин можно пропустить и обойтись огуречным салатом.

За клиенткой закрылась дверь. Аделия мечтательно зажмурилась и потянулась. Помощница сейчас угостит гостью чашечкой кофе, поболтает о том о сем, закрепит результат, покажет ее, Аделии, дипломы и фотографии со знаменитостями. Заполирует эффект.

И клиентка станет постоянной.

Девушка встала, сбросила с плеч платок. Подхватила со стола потрепанную колоду карт, бережно упаковала в темно-синий бархат и убрала в шкаф. Сунула на верхнюю полку ламинированные карты для расче-

та гороскопа. Открыла ноутбук, прокомментировала пару сообщений в группе и ответила на вопрос о стоимости своих услуг в директе.

«Потомственная прорицательница, маг, таролог и экстрасенс Аделия Милó, — значилось под аватаркой. — Ваш проводник в мир тонких материй».

Аделия на аватарке выглядела особенно загадочно: глаза подведены на цыганский манер, волосы убраны под темный платок, взгляд пронзительный, немного безумный, а вместе с тем располагающий. Она придерживалась четкого кредо: никакой чертовщины с черепами, пауками и прочими малоприятными насекомыми, никакой черной магии и ведьмовства, только светлое волшебство и наука на страже чувствительных душ дам пенсионного возраста. Что уж греха таить, это ее основная платежеспособная аудитория. В списке услуг значились гадание на картах Таро, ясновидение с помощью хрустального шара, настройка кармы, астрология, составление персональных гороскопов. И мелким шрифтом приписка — психологическая помощь. Надо же хоть как-то оправдать четыре года университета и стажировку во Франции.

Аделия считала себя ученым магом, или магíней, если использовать пресловутые феминитивы, которые она терпела с трудом.

Девушка налила себе остывший чай, поморщилась от горечи — заварился до состояния чифирия, такой можно только в ночь накануне экзамена пить. Поставила чашку на поднос, смахнула крошки со столика.

Заглянула в органайзер — следующая клиентка придет через пятнадцать минут, уже внесла предоплату. «Гадание и консультация по лямурным делам» — так прокомментировала в примечании к заказу обстоятельная Таисия.

Аделия откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. В памяти привычно всплыла строчка из старой песенки к фильму «Ах, водевиль, водевиль...»: *«У цыганки со старой колодой хоть один да найдется клиент»*.

Сквозь дремоту слышала, как отворилась дверь, как бесшумно прошла помощница и открыла форточку (с улицы ворвался шум проезжающих машин и прохладная сырость), потом забрала поднос и вернулась в приемную.

* * *

Римма Аркадьевна Симбирцева была женщиной начальственного вида, начальственного мировоззрения и начальственного характера. Проработав много лет в школе на должности завхоза, она научилась экономить там, где другим это кажется невозможным, выкраивать крохи из безнадежных, на первый взгляд, финансовых операций, применять смекалку и рукодельничать. В ее жизни было все всегда строго по графику. Она даже сына родила точно в срок, ни днем раньше ни позже. Сейчас в силу преклонного возраста Римма Аркадьевна иногда болела, но строго лимитировала и это, не позволяя организму «раскисать» дольше чем на пару дней.

Единственное, что никак не подчинялось контролю, — жизнь собственного сына.

В шестнадцать лет он устроился на работу мыть машины. После первой же зарплаты объявил, что снял комнату в общежитии, потом собрал одежду, плеер и диски с этой его ужасной, громохочущей музыкой и уехал. Некоторое время Римма Аркадьевна надеялась, что мальчик, столкнувшись с проблемами и бытом, стусуется и вернется. Потом, когда этого не произошло, решила, что он наверняка попал в дурную компанию. С тяжелым сердцем ходила на работу в ожидании возмущенного удивления педагогов по поводу внезапно «опустившегося» Максима. Но на ближайшем педагогическом совете его отметили, сказав, что стал собраннее, внимательнее, на родительском собрании привели в пример.

— Вырос парень, остынь, — безмятежно посмеивался муж в ответ на ее причитания и снова возвращался к чтению газет.

С тех пор жизнь Максима так и не вернулась под ее руководство. Он появлялся по выходным, по праздникам, дарил на дни рождения и 8 Марта букеты, но всячески избегал приглашать ее к себе или хоть как-то упоминать о своей личной жизни.

— Куда поступать будешь? — вздыхала Римма Аркадьевна, когда сын заканчивал одиннадцатый.

— На юрфак, — отвечал односложно.

И поступил.

И с первого курса пошел работать в органы. Взгляд стал лукавым и снисходительным, улыбка шире и уве-

реннее, беседы с отцом — чаще и тише. Разговоры с ней — осторожнее и обходительнее.

— Отпуск когда у тебя? — строго спросила она вчера утром по телефону.

— В декабре, мам, как обычно. — Максим торопился, говорил отрывисто. В трубке фоном гудели машины, пискнула сигнализация его автомобиля.

— Мы с тетей Светой всех собираем, ты помнишь?

Сын вздохнул. Римма Аркадьевна отчетливо представила, как он поморщился, как выдвинулась чуть вперед нижняя челюсть, как раздраженно почесал бровь.

— Помнишь? — повторила еще строже.

— Помню. Блин, у меня планы были на эти две недели. Ремонт хотел сделать, обои вон купленные стоят.

— Подождут твои обои, — отрезала Римма Аркадьевна, успокаиваясь: сын дал обещание, а обещание свое он не нарушает. — Вернешься девятого января и поклеишь.

— Мне одиннадцатого на работу.

— Вот за три дня и оклеишь... Могу помочь.

Сын захохотал:

— Ну это уж дудки. Не для того я берегу свою берлогу от женских рук, чтобы ты в нее проникла.

Мать радостно поймала нужную тему.

— Кстати, о женских руках... Мы со Светой ждем, что ты с Катериной приедешь.

Сын поперхнулся.

— С чего бы это вдруг? — Хлопнула дверца авто, голос стал глуше и отдаленнее. Римма Аркадьевна поняла: Максим переключился на гарнитуру.

Личная жизнь сына — отдельная боль Риммы Аркадьевны. Парню уже почти тридцать пять, а ни жены, ни постоянной подруги.

— Успеется, — отвечал он односложно.

— Не лезь к парню, — поддакивал муж.

Ей только оставалось вздохнуть и надеяться, что сын однажды приведет свою девушку в родительский дом — знакомиться. И будет у нее напарница и наперсница на той, сыновьей, стороне.

Имя Катерины прозвучало примерно полгода назад, случайно. Римма Аркадьевна никак не могла смириться с тем, что чайник закипел так некстати, ей пришлось его снимать с плиты. И она пропустила главное! Максим понял, что мать услышала, устало вздохнул и хмыкнул, опустил глаза. Муж отмахивался, так и не сказав, в каком контексте прозвучало имя. И Римма Аркадьевна поняла: это ОНА. Та самая, которая все вернет на круги своя.

— Так что, познакомишь нас со своей Катериной? — настаивала мать. — Это уже, в конце концов, неприлично, вы так долго встречаетесь, а мы еще не представлены.

— Встречаемся? — Сын закашлялся. — Не представлены? Мам, может, не надо Катерины?

Мать ликовала:

— Надо, сын. Надо обязательно!

Сын помолчал, добавил рассеянно:

— Не люблю я ее...

И это «не люблю» укололо Римму Аркадьевну в самое сердце. Не факт нелюбви, а голос, которым сын об этом сказал: серый до бесцветности, безликий и отрешенный. «Что-то произошло, — догадалось материнское сердце. И тут же: — Опоздала!»

Собственно, по этой причине Римма Аркадьевна и спешно записалась на прием к прорицательнице: нужно было узнать, что произошло в жизни сына и как все исправить.

* * *

Пожилая дама в черном классическом пальто и пурпурно-алом шарфе, небрежно задрапированном на шее, зашла в салон «Лунолика» ровно без пяти минут шесть. Да, пунктуальность — это тоже одна из визитных карточек бывшего школьного завхоза. Стряхнув с плеч прозрачную вуаль подтаявших снежинок, она шагнула в приемную, где ее ждала улыбающаяся помощница прорицательницы. Римма Аркадьевна была удовлетворена — никаких бесов на стенах, никаких чучел убиенных животных, черных портьер и душного зловония ароматических свечей. Если бы оказалось иначе, она бы развернулась, не раздумывая, — так она для себя решила, еще подходя к по-европейски аккуратному крыльцу.

Собственно, салон «Лунолика» и привлек ее тем, что не практиковал сатанинские обряды, а хозяйка его вроде как парижанка. Хоть и образование, и возраст Риммы Аркадьевны подсказывали ей, что ни о каком Парижском клубе речи не идет, но сам факт... немного будоражил и возбуждал любопытство.

— Добрый день, уважаемая. — Она подала пальто помощнице. — Не слишком ли я рано?

Девушка — обаятельная блондинка в деловом костюме (что тоже приятно удивило пожилую клиентку) — улыбнулась.

— Вы пришли в самое удачное время. Я сейчас доложу мадемуазель Аделии.

Она нырнула в кабинет и появилась через пару мгновений — согласно давней договоренности с Аделией, оставила клиентку одну в приемной. За это время почтенная дама успевала оглядеться, проникнуться чисто европейским стилем, уютом, расслабиться, вдыхая аромат свежемолотого кофе и зеленого чая с ванилью.

Римма Аркадьевна прониклась.

— Проходите, госпожа Аделия вас ждет, — Таисия распахнула дверь в полумрак кабинета.

Как Римма Аркадьевна себя ни готовила, сердце ее при этом дрогнуло. «Стоит ли вмешивать в личные дела высшие силы? Не навредить бы», — мелькнуло в голове и тут же погасло.

Дама шагнула в кабинет.

Здесь пахло благородными духами, корицей и горячей карамелью.

— Добрый вечер, располагайтесь.

Хозяйка кабинета говорила без акцента, но с легкой очаровательной немосковской интонацией. «Из Прибалтики», — догадалась Римма Аркадьевна, вспомнив любимого актера своей молодости — Ивара Калныньша.

На низком столике возле окна горели свечи, разгоняя теплые желто-коричневые тени. Сама ясно-видящая сидела в широком кресле, поджав под себя ноги. Цветастая цыганская юбка, хрупкие пальцы в массивных кольцах с крупными камнями. Римма Аркадьевна заметила аметист. Она была молода, эта Аделия Милó, наверно, лет тридцати — при таком освещении не скажешь точнее. Волосы убраны под темный шелковый платок, на висках подколоты изящными заколками с подвесками, тоже в восточном стиле. Гадалка внимательно изучала ее и терпеливо ждала, когда клиентка освоится и займет наконец предложенное место.

— Что вас привело ко мне? — спросила тихо.

Римма Аркадьевна закусил губу.

— Мой сын. В его жизни что-то происходит, что-то печальное. Я должна знать, чтобы помочь.

Аделия чуть нахмурилась.

— Я не могу влиять на свободно принятое решение, это раздел черной магии. Я таким не занимаюсь...

— Да-да! Я именно поэтому к вам и пришла. Потому что вы темную магию не практикуете. Я не хочу влиять. Чтобы вы влияли — не хочу. Но я хочу знать, чтобы понимать самой, — начала волноваться женщина.